

УДК 340.141(470.4/6)''18''
ББК 67.711.13-38

СТАНИЧНЫЙ СУД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБЫЧНЫХ СУДОВ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ¹

С.Ю. Краснов

В статье приводятся многочисленные доказательства, подтверждающие вывод автора о том, что формирование и деятельность станичных судов у донских казаков во второй половине XIX в. в основном регулировались нормами обычного права, а не нормами официального законодательства. Проведение детальной конкретно-исторической реконструкции указанных вопросов позволяет автору выявить и показать различные способы воздействия донских казачьих общин на станичные суды, чтобы при разрешении конкретных судебных споров станичные судьи применяли нормы обычного права.

Ключевые слова: *обычное право, станичные суды, формирование и деятельность, история права, донские казаки.*

Все предпринимаемые правительством попытки упорядочить судопроизводство донских казаков на основе норм официального законодательства, а тем более ввести во второй половине XIX столетия в Области войска Донского единственный судебный орган – станичный суд, на наш взгляд, не дали и не могли дать никаких желаемых результатов, поскольку были направлены на вытеснение на станичном и хуторском уровнях норм обычного права из сферы судопроизводства, с заменой его нормами официального законодательства.

Начало станичных судов теряется в глубокой древности. Изстари, в каждой станице почетные старики были судьями своего общества и с давних пор, почти по новейшие времена, казачьи станицы удовлетворялись своими судами и других не искали. Каждый из нас знает, что учреждение бывших судебных начальств есть дело недавнее, равно как и существование их было непродолжительное; известно также, что в судебных начальствах, принимавших без разбора к своему рассмотрению всякие дела от рубля и выше, собственно казачьих тяжб было очень мало; они существовали больше дворянскими, купеческими и

мещанскими делами. Станичные суды удержались и при судебных, и при сыскных начальствах, не смотря на то, что было сделано все для того, чтобы уничтожить их значение и сузить их сферу действий; затем, при нынешних порядках, круг ведомства станичных судов определен точно и положительно как в гражданских делах, так и в уголовных делах. В 70 году (в 1870 г. – С. К.), когда к нашему краю применили новое гражданское положение, законоположение о волостных судах целиком было перенесено к нам без всяких изменений, с заменой названия «волостной» словом «станичный».

Вообще, наше обычное право очень часто во многом отличается от ныне действующих, писанных гражданских и уголовных законов. Оно внимательно и человечно относится к таким особенностям казачьего быта, о коих не найдешь и намека в писанных законах. Оно стремится достигнуть правды во всем, по своему крайнему казачьему разумению, не обращая ни малейшего внимания на то, что эта обычная правда иногда сильно не походит на правду юридическую, изложенную в писанных книгах [3].

В обычной своей жизни народ руководствуется не сводом законов, не уставами, исходящими от правительства, а своими не писанными законами, выработанными жизнью и установившимися юридическими обычаями. Многие умирают, не зная свода законов, а жили в сфере своей действительной жизни своею правдою [11].

Из известных мне (Харузину. – С. К.) фактов, я убедился, что общая организация станичных судов совершенно не соответствует указаниям Положения об общественном управлении в казачьих войсках [21, с. 337].

Какие именно факты давали современникам, знатокам донского казачьего быта, основания для включения станичных судов в систему традиционных для казаков обычных народных судов, по нашему мнению, можно установить только путем проведения детальной реконструкции того, как в действительности были организованы и чем в своей деятельности руководствовались станичные суды при вынесении решений по конкретным делам, которую мы сейчас и попытаемся осуществить:

В станичные суды вообще казаки идут весьма неохотно; поэтому во многих станицах на эту должность смотрят как на одну из общественных повинностей и отбывают ее по очереди, все, «чтобы никому обидно не было» [21, с. 306–307].

А у нас (в станице Николаевской. – С. К.) при выборе судей не берутся во внимание личные качества избираемого, а выбирается очередной, не служивший еще обществу ни в какой должности [4].

При этом богатые казаки стараются откупиться или представить свидетельство о болезни, которое однако сбором (станичным сходом. – С. К.) не всегда признается уважительным, или же просто просят общество «помиловать их» [21, с. 307].

Во всех подобных случаях, на наш взгляд, вопрос об удовлетворении или об отказе в удовлетворении просьб о помиловании зависел от воли большинства членов донских казачьих общин. Сама же просьба о помиловании в случае ее удовлетворения представляла собой применение известного на Дону обычая прощения виновного или должника, который был направлен на регулирование совершенно иных общественных отношений, что подтверждает правильность всех сделанных нами ранее выводов о механизме действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века [8; 9].

Об этом свидетельствуют и другие многочисленные факты, касающиеся организации и деятельности станичных судов во второй половине XIX века:

Но в других станицах (в Мариинской и др. – С. К.) станичных судей действительно выбирают на станичном сборе, причем в одних местах баллотировка производится посредством шаров, а в других местах судей выбирают «голосами». Последнее происходит так: станичный атаман спрашивает сбор: «кого желаете в судьи?» В ответ станица выкрикивает разные имена, а атаман записывает их. Когда наберется достаточное число, то он «вычитывает их». В Гниловской станице хотя и выбирают судей шарами, но при выборе их стараются уравнивать, чтобы всем пришлось отбыть судебскую должность: богатый ли, бедный ли – выбор один, а то тягостно будет, коли не всех выбирать.

В других станицах, например в Евтеревской, в судьи стараются выбрать богатых, потому, что у бедных делается разстройство в хозяйстве от судебской должности, а так как богатые казаки больше по хуторам, то в судьи и выбирают больше из хуторских.

Сроки, в течении коих судьи действительно исполняют свою судебскую должность, точно также разнообразятся.

В некоторых станицах (там, где число судей ограничено до 4-х) они исполняют свою обязанность круглый год.

В других станицах установлены «смены». Так в станице Старочеркасской установлены 3 смены через каждые четыре месяца; в Нижнекурмоярской станице 12 судей распределены на три трети, по четыре судьи на каждую и т. п. [21, с. 307–308].

При решении вопросов, связанных с назначением и выплатой вознаграждения станичным судьям за исполнение ими своих обязанностей, донские казачьи общины санкционировали применение как традиционных, так и выработанных на их основе новых норм обычного права.

В некоторых станицах оно совсем не полагалось, так как судебская должность отбывалась «за внутреннюю службу». В других станицах оно хотя и назначалось, но было весьма незначительным:

...Жалованье станичному судье или никакого не полагается, или же самое ничтожное, не превосходящее десяти, двадцати, много тридцати рублей [3].

Замечательно, что в этой станице (Петровской. – С. К.) судьи получают вознаграждение, тогда как в большинстве станиц Донской области лица эти вовсе не получают вознаграждение за свою службу из общественных сумм... В год каждому станичному судье – 18 рублей [19].

Иногда кроме денег станичные судьи получали вознаграждение «станичными травяными пайками, или «казаками», обязанными работать в домашнем хозяйстве судей в течение всего срока пребывания их в этих должностях.

Полагаем, что в последнем случае донские казачьи общины санкционировали применение к станичным судьям старинного обычая, позволяющего станичным атаманам использовать в своем домашнем хозяйстве труд казаков, обязанных отбывать сиденочную повинность («сиденку») при станичном правлении, то есть речь идет о выработке донскими казачьими общинами новых норм обычного права, о волевом осознанном процессе казачьего нормотворчества, которые при этом полностью противоречили нормам официального законодательства.

В частности, в станице Евтеревской судьи с 1871 по 1876 г. вовсе не получали жалованья, а о вознаграждении судьям станица и слышать не хотела. С 1877 по 1880 г. общество постановило, наконец, чтобы судьям позволено было брать с каждой просьбы по 25 копеек серебром. Платил обыкновенно истец, но судьи требовали такую же сумму и с ответчика. Но начальство запретило эти поборы:

Ныне (в 80-е гг. XIX в. – С. К.) судьи в станице Евтеревской получают по 25 рублей в год. Этого жалованья мало, но общество не желает им прибавлять [21, с. 309].

В станице Чернышевской казаки точно также выражали желание установить плату судьям с каждой жалобы по 1 рублю, но «опасаются начальства». Вообще же в этой станице каждому судье община установила денежное вознаграждение в размере 50 рублей в год [там же].

Тем не менее, несмотря на противодействие и запреты со стороны официальных властей, в некоторых станицах Области войска Донского общиной была установлена и реально применялась именно указанная выше форма оплаты труда станичных судей.

При этом отмечается и присущая нормам обычного права донских казаков вариативность:

В Перекопской станице с каждого виновного на станичном суде берется 50 копеек (деньги эти

берутся по общественному приговору от 13 ноября 1872 года и обращаются на жалованье судьям). Если на суде и истец, и ответчик оказываются виновными, то каждого штрафуют на 50 копеек [20].

В Ново-Александровской станице жалованье судьям в 1875 году было положено по 5 травяных паев, а в Клетской станице, по словам граждан, в 1874 году при избрании станичных судей назначено было жалованье им в год по 15 рублей и выкликались охотники занять эти должности из внутренней. Нашелся будто-бы только один охотник, но и тот при сокращении службы отказался. После, однако, охотники нашлись [там же].

В станице Еланской каждый судья получал по 5 травяных паев, а судья, исполняющий обязанности писаря, – 6 паев. В Гниловской станице каждому судье выплачивалось по 20 рублей и давалось еще 10 травяных паев на всех 12 судей в год. В станице Усть-Медведицкой каждый судья получал по 1 травяному паю, который приносил его хозяину доход до 20 рублей в год [21, с. 309].

Для ведения протоколов судебных заседаний в большинстве станиц был особый «судейский писарь», который исполнял свои должностные обязанности по найму либо от самой станицы, либо от станичных судей. В некоторых станицах обязанность судебного писаря исполнял один из станичных судей [там же, с. 310].

Как мы видим, обычно-правовые представления донских казаков об организации станичных судов мало чем отличались от подобных же представлений о других органах территориального общественного самоуправления [8]:

Казаки исполняют обязанности судьи весьма неохотно и небрежно. Казаки зажиточные и домовитые, вследствие незначительности жалованья, стараются устранить себя от этой должности, и в судьи попадают весьма нередко пьяницы и плохие станичники.

В некоторых станицах мне (Харузину М.Н. – С. К.) рассказывали, что на сборах выберут в судьи сначала хорошего казака, но он просит у станицы прибавки жалованья, так как иначе ему не выгодно отрываться от хозяйства. Но в это время его перебивает другой казак из плохих, заявляя что он желает послужить обществу даром или за малое вознаграждение. Его и выбирают. Однако такой судья вознаграждает себя тем, что без зазрения совести берет взятки.

Бывает и так: когда выбранный в судьи хороший казак просит прибавки жалованья, общество

отвечает ему: «а так ты не хочешь служить, как мы велим; ну так ступай себе, а мы другого поищем», и назначает в судьи того, кто согласен служить за предлагаемое вознаграждение.

В некоторых станицах казаки признавались, что они рады бы прибавить судьям жалованье, но боятся, что в этом случае «в судьи полезет человек, который иначе бы никогда туда не попал». Этим казаки намекали на офицеров и чиновников. Так в одной станице казаки указывали на одного есаула, говоря: «прежде ловил себе рыбу, никому не мешал, а ныне дали судьям хорошее жалованье, и он попал в судьи, потому что угостил избирателей; теперь мудрит, все по своему хочет сделать, все на закон какой-то указывает, а нам от этого стеснительно [21, с. 336].

Естественно, что во всех подобных случаях донские казачьи общины стремились различными способами заставить станичных судей руководствоваться в своей деятельности нормами обычного права, а не нормами официального законодательства. Способы воздействия были самые различные, но в их реализации донские казачьи общины опирались, прежде всего, на станичных атаманов. При этом во избежание наказания со стороны вышестоящего начальства внешне все вроде бы соответствовало указаниям Положений 1870 и 1891 гг. о невмешательстве станичных атаманов в деятельность станичных судов, об их независимости и беспристрастности:

Станичные и поселковые атаманы, возложивши все судопроизводство на станичных судей, совершенно не считают себя обязанными даже вмешиваться в это дело; в этом можно убедиться из того, что в редких случаях можно найти такие приговоры станичного суда, в которых бы принимали участие станичные и поселковые атаманы. Вследствие этого, зачастую оставляются без последствий не только маловажные проступки, но и такие преступления, которые влекут за собою как наказание лишение или ограничение прав состояния [22].

На самом же деле применялись другие способы воздействия на станичных судей. В частности, во всех станицах Области Войска Донского станичные судьи несли те же повинности, что и другие казаки:

Он (станичный судья. – С. К.) обязан сиденочной повинностью, если же не он сам, то его дети, зятя, родственники; он несет другую натуральную повинность, из которой назначаются ка-

раулы при церквях, училищах, сторожа, лесничество и прочие и, наконец, он не избавлен от воинской повинности. Атаман может освободить станичного судью или его сына, зятя от сиденочной повинности или бесплатно, или за сравнительно малую плату и также в других случаях.

Например, если сын судьи не явился на зимнее учение малолеток, на это не обратят внимания; в очередном списке могут поставить его так, что он будет иметь надежду остаться за нарядом; если он желает получить льготу, ему могут дать ее преимущественно перед другими, хотя бы прав на это он никаких не имел. Все это бывает в том случае, если станичный судья действует сообразно с желаниями атамана ... За какое-нибудь неосторожное слово, или просто без особого повода, атаман арестует его не как судью, но как казака и выдерживает несколько дней в заключении. Никаких жалоб от бедного судьи на этот произвольный арест не примут, или если примут, то никакого удовлетворения он не получит, потому что атаман объяснит, что он действовал в силу представленной ему законом власти и что урядник, или казак такой-то точно был виновен не как судья, но как частный человек, за что и был справедливо наказан. Такие случаи бывали [3].

Я (автор статьи. – С. К.) знаю из практики станичных судов такой случай. Судились двое родственников из-за пустого дела, из-за владения колодезем. Судьи поступили недавно, вновь выбранные и, в простоте души, полагавшие, что они могут постановить решение по своему крайнему разумению, что и сделали. Но станичный атаман, при помощи разных мер, заставил их придти к убеждению, что они должны поступать не так, как сами желают, а как желает он, станичный атаман.

Вследствие этого, судьи заключили, что лучше переменить сделанное решение в том смысле, в каком хотел атаман, нежели терпеть от него неприятности. Решение переменяли, написали другое, но вдруг один из тяжущихся, не в пользу которого составилось новое решение, сообщил об этом куда-то повыше и бедных станичных судей потянули в окружной суд. Несчастных присудили к ограничению некоторых прав, с тем, что в должности они выбираемы быть не могут.

«Ну слава тебе Господи, хоть в другой-то раз нас не выбирают в эти судьи», – говорили станичные судьи, радуясь, что дешево отделались. Имея такие примеры, станичники очень опасаются попасть в судьи, потому что, вслед за тем, очень легко попасть и под суд. При выборах почти все отговариваются то неграмотностью, то малограмотностью, то нарывом на ноге, то шумом в ушах, то другими болезнями [там же].

Что касается самого процесса судопроизводства и ведения делопроизводства в станичных судах, то имеющийся у нас материал свидетельствует не только о верховенстве норм обычного права над нормами официального законодательства, но и о большом влиянии в этих вопросах донской казачьей общины.

В период проведения судебных заседаний говорили все сразу, не соблюдая никакой очереди: и судьи, и тяжущиеся, и свидетели, и все присутствующие на суде. Донская казачья община в лице тех своих членов, которые собрались слушать разбирательство дела, открыто высказывала свое одобрение или порицание, тем самым в определенной степени оказывая влияние на судей. Сами судьи также вступали в споры с тяжущимися, со свидетелями и друг с другом и, высказывая сомнения и свое несогласие с мнением остальных, пускали в ход шутки, подтрунивание и брань. Все это делалось открыто и прямо.

Вообще формальная сторона судебного разбирательства в станичных судах отодвигалась на второй план. Часто судьи не подписывались под своими решениями или подписывались, но не все. Номера решений были спутаны, иногда вовсе не указывались; книги, куда записывались все вынесенные судом решения, не береглись. Протоколы заседаний станичного суда записывались в специальную книгу весьма кратко, иногда такая запись составляла всего несколько строчек. Нередко показания свидетелей не записывались вовсе. В некоторых станицах, например в станице Евтеревской, особенно в первые годы после введения Положения 1870 г., которым были учреждены станичные суды, решения станичного суда по тому или иному делу редко записывались в книгу. Они либо вовсе не записывались, либо записывались, но не в книгу, а на обороте письменных жалоб. Потом эти жалобы кое-как сшивались все вместе и складывались в станичный архив.

Иногда станичные суды разбирали жалобы, превышающие их компетентность. Например, они рассматривали дела о порубке леса, которые были изъяты из их ведения по Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 22 февраля 1877 г. о мерах сбережения станичных лесов; или дела о

неисполнении повинностей и общественных работ, которые были подведомственны станичному атаману.

Часто жена или муж приходили в станичный суд со свидетельством от всего хуторского общества о своем поведении в быту и семье, где также говорилось о невыносимом поведении другой половины, и просили бумагу, по которой станичный суд позволил бы ей или ему выйти замуж.

В качестве примера можно привести свидетельство целого хутора, выданное казаку Никифору К., в том, что жена его Степанида с давнего времени имеет строптивый характер и жестокое обращение с мужем своим и в общежительстве и нередко наносит побои мужу своему из вида утешения своей воли.

Еще один пример, но касающийся уже раскольников:

С мужем я не венчана и по своим дурным качествам пропитывать себя и меня он не может, почему прошу суд приказать ему до меня не касаться и не считать за жену». Станичный суд склонил стороны к миру. Жена получила назад все свое имение и право жить особо. Отец же бывшего мужа обратился в станичный суд, к бывшей жене своего сына, с просьбой возместить ему все убытки, связанные с проведением свадьбы [11].

В некоторых станицах рассмотрение судебных споров проходило не в судейской комнате при станичном правлении или в отдельном помещении, специально отведенном для этого, как это было предусмотрено нормами официального законодательства (положения 1870 и 1871 гг.), а в питейных заведениях. При этом станичные судьи часто выходили за рамки своих полномочий, что также противоречило нормам официального законодательства.

В другой станице поселковым атаманом было донесено начальству, что станичные судьи, пьянствуя на счет тяжущихся сторон, производят суд и решают дела в питейных заведениях.

С другой стороны станичные судьи, не понимающие специализации своих обязанностей, принимают на себя полицейско-административные обязанности, обнаруживая их преимущественно тем, что отправляют из питейных заведений под арест разных лиц, в чем-либо не сошедшихся с мнением судей или уклоняющихся от угощения....

С лишением права принимать станичными судьями жалоб вне суда устранились бы, может быть, некоторые злоупотребления; к таким же последствиям повело бы и уничтожение обычая – решать дела в питейных заведениях [22].

Последствием всего вышесказанного являлось полное несоблюдение станичными судьями гражданского и уголовного процессуального законодательства. Это находило свое подтверждение при проведении во второй половине XIX в. окружным начальством периодических проверок деятельности станичных судов.

Так, после проведения очередной такой проверки в Черкасском округе окружной начальник, подполковник Казмин, 9 мая 1878 г. подал Войсковому наказному атаману докладную записку, в которой указал, что отсутствие в Положении 1870 г. подробных правил для осуществления судопроизводства в станичных судах влечет за собой нижеследующие беспорядки и нарушения:

«1) к разбирательству дел часто не вызываются истцы, ответчики и свидетели, а если и вызываются прикосновенные к делу лица, то не через письменные повестки, а словесно;

2) разбор дел производится неполным числом судей и иногда даже одним судьей;

3) решения суда не везде записываются в установленную для того книгу;

4) решения приводятся в исполнение без предварительного объявления оных тяжущихся;

5) не выдаются своевременно копии с решений;

6) наказания за маловажные проступки назначаются несоразмерные и иногда вдвойне;

7) лишение судом тяжущихся права приносить кассационную жалобу;

8) допущение предварительного исполнения по решению;

9) назначение в делах по личным оскорблениям денежного взыскания в размере, установленном статьей 35 Положения только в отношении исков и тяжб имущественных» [6].

Можно указать, на наш взгляд, еще две причины, по которым станичные суды не применяли действующие во второй половине XIX в. нормы материального и процессуального права. Первая причина заключалась в том, что станичные судьи не обладали необ-

ходимой грамотностью, то есть были или совсем неграмотны, или же не имели никакой специальной подготовки и соответствующих знаний в области юриспруденции. Поэтому в большинстве случаев представленные на кассацию решения, вынесенные станичными судьями, мировые съезды вообще не признавали за судебные решения.

На вторую причину, так же как и на первую, обращали внимание не только знатоки донского казачьего быта, но и сами станичники и хуторяне, выступающие в качестве информантов. Речь идет о различиях в понимании справедливости в обычном праве донских казаков и официального законодательства:

Оказывается, что и в настоящее время (в 1894 г. – С. К.) в казачьих станицах на Дону обычное право имеет большую силу и большее значение, чем писанный закон и нормы действующих законоположений. И это явление весьма понятно...

В применении к местным условиям, и с точки зрения обычного права донских казаков, требования писанного права являются иногда несправедливыми, несмотря на то, что эти требования стремятся установить идеально-справедливые правовые нормы [10].

Станичные судьи хотя и не имеют своего кодекса законов, но у них закон – совесть. Двадцать лет назад урядник Глухов занял без документа 50 рублей казаку Авдееву. Восемь лет прошло, как умер Авдеев. Ныне (в 1897 г. – С. К.) Глухов предъявил иск к сыну покойного. Доказательства при разборе этого дела отсутствовали, – ответчик же иска не признал. Несмотря на это, станичный суд и затем суд почетный претензию Глухова удовлетворил, присудив с Авдеева в его пользу 50 рублей [15].

Так, по закону, вдова мать получает четвертую и седьмую часть, а у нас, по обычаю, она полная хозяйка и берет себе половину, а виновата эта особенность нашего положения и нашей жизни. Женщина-казачка несет одинаковые работы с мужчиной; во вторых, по уходе мужа, она делается полноправной хозяйкой в доме и в течении всей службы она наживает домик и сберегает, отдает замуж дочерей и каждый труд выносит на своих плечах.

Попробуй юрист, не знавший жизни казачки, скажи ей про часть. Она ответит: «видно, батюшка мой, последнее время пришло». Пока есть суд и судьи в нем – лица, не знакомые с X томом 1 частью (Сводом законов гражданских. – С. К.), то и дело идет по обычаю. Нет ни слез, ни воплей [11].

Несмотря на приведенные выше примеры, не стоит идеализировать обычное право донских казаков, поскольку обычно-правовое понимание справедливости в некоторых случаях принимало такие формы, которые с точки зрения официального законодательства являлись преступлениями. Но с точки зрения норм обычного права, санкционированных донскими казачьими общинами, не признавались таковыми.

В частности, во многих станицах и хуторах Области войска Донского жестокое обращение мужа с провинившейся в чем-либо женой не только не преследовалось, но даже поощрялось:

И когда не стало никакой возможности переносить насилия своего повелителя, она решилась тайно оставить дом свекра и ушла к своему родному отцу. Кажется и делу бы конец. Не тут-то было. Свекор и муж отправляются в дом ее отца, берут бедную женщину, привязывают на бичеву и преспокойно тащат по улице в чуждую для нее семью, на новые мучения; что же получило беззащитное создание в храме правосудия (станичное правление) в облегчение своей участи?

Один из жрецов Фемиды произнес следующий приговор: «если бы ты была моя сноха, я бы тебе на одну ногу стал, а другую прочь оторвал, чтобы ты не могла бегать». И приказал ей жить у свекра, впрочем с тем, чтобы они лучше обращались с ней, что «чего доброго, сказал велемудрый судья, дело дойдет до высшаго суда, тогда вам будет плохо». В настоящее время (в 1874 г. – С. К.) благодаря мировым учреждениям подобные безобразия реже стали проявляться [13].

Из соседнего хутора Потапова бежала молодая замужняя женщина. Бежала она в дом своего отца потому, что жить с мужем, в доме свекра, она была уже не в силах: чуть ли не ежедневные побои и жестокое обращение вынудили ее оставить мужа. Спустя дня три, свекор и муж ее запрягли лошадь в дроги и отправились с целью «проучить» беглянку и вернуть непокорную к себе в дом. Встретивши на улице около станичного правления беглянку, «оскорбленный» муж сначала сильно избил свою жену, а затем, при помощи отца, привязав ее к оглоблям, рядом с лошастью, и сев на дроги, с гиком и криком поехал по станице в свой хутор, подгоняя при этом кнутом жену и лошадь. Присутствующая многочисленная публика находила такое «обращение» мужа с женой и свекра с невесткой вполне целесообразным [14].

В станице Казанской в 1880 г. при жестоким обращении мужа с женой присутствовал другой представитель местной Фемиды – полицейский, который, также как и станичный судья, в действиях мужа не видел ничего противозаконного:

Здоровый мужчина бил женщину, нанося руками и ногами сильные побои, причем рвал на ее голове волосы. Присутствующие человек восемь и между прочим полицейский только посмеивались. Оказалось, что это муж бил свою жену [2].

Нагляднее всего различия между обычным правом донских казаков и официальным законодательством проявлялись при сравнении станичных судов с мировыми судами, которые, также как и станичные суды, были созданы и действовали в Области войска Донского во второй половине XIX века. Руководствуясь при разрешении судебных споров исключительно нормами официального законодательства, мировые судьи не знали и не желали знать правовые обычаи, не говоря уж о нормах обычного права донских казаков. В результате во многих случаях обращения станичников и хуторян в мировые суды оставались без удовлетворения:

Молодая казачка, муж которой на службе, обратилась к мировому судье с просьбой о взыскании за нанесение ей бесчестия. Дело было таким образом: просительница во время осени была в поле (пахала); в одну ночь, когда она погнала пасти волов, при таборе остались одним, бывшие с нею, два мальчика. Приходит к табору другая казачка с каким-то казаком и стащили со спящих детей лантух (рядно), которым они были покрыты (думая, конечно, что там лежит просительница); оттащили его от спящих детей и бросили поодаль. Вот все и преступление, кажись, ничего преступного и нет. Так, должно быть, и мировой судья понимал.

- Вы в воровстве лантуха обвиняете N?

- Нет! Я обесчестена.

- Какое же тут бесчестие?

- А как же, мне по хутору нельзя ходить, все глаза просмеяли! С тебя, говорят, лантух стащили.

Понятно, что мировой судья не нашел тут никакого преступления. А между прочим просительница не из прихоти приходила судиться; она хорошо понимает свое оскорбление, как равно понимает его и та среда, в которой она живет.

Да это же и не простое оскорбление, а завязка трагического дела. Сердобольные родители, конечно, не примут верной оказии, чтобы не уведо-

мать на службе сынка о постигшем их несчастье, что его молодая жена изменила ему, что с нею случилось то и то.

...Наконец, не дожидаясь возвращения мужа со службы, она оставляет детей, родной кров и все, что для нее есть милого, и совершает побег... [12].

Если бы мировой судья знал о существовании на Дону обычая различными способами «объявлять» виновных в прелюбодеянии, он бы по-иному рассмотрел и оценил все обстоятельства данного дела. Точно так же совершенно по-разному повели себя мировой судья и станичный атаман, получившие «объявления» (жалобы) для проведения разбирательства по схожим по обстоятельствам делам.

Недавно есаул Пятиизбянской станицы Д. пожаловался на одного казака за то, что он не дал ему из невода свеженькой рыбки: «когда хочешь есть – налови сам» было ответом старика есаулу. Вызваны были свидетели и стороны; вот мировой, вероятно разчитывая от безделья заниматься в будущем тем же, строго сказал: помирись! а если не помирись, то я тебя в отрог запрячу! Понимаешь? Зная хорошо пословицу, что «с сильным не борись, а с богатым не судись», он отдал есаулу 25 рублей и поклонился в ноги: «лишь в тюрьму, батюшка, не сажай» [16].

А вот о чем написал 11 февраля 1860 г. в своем «объявлении» казак станицы Мигулинской Павел Попов:

Вчерашнего дня, я ездил на тоню, где ловля была рыбы к пированью (к празднику. – С. К.), и волокуша принадлежит Государственному крестьянину Василию Савельеву, а так же называется хозяином оной казак Трафим Кастяев, который в пьяном виде начал ко мне привязываться, что как я смел быть на сей тоне без дозволения его.

Озеро принадлежит станичному обществу и не находится у него на откупе, следовательно в очередь свою и я имею право на получение на этой тоне рыбы, согласно существующего порядка, так как на сих тонях пойманная рыба делится на пай, почему я таковое право и высказал ему, за что он на меня обиделся и сильно вдарил меня по щеке, а потом, повалив меня с ног, начал жестоко бить меня.

Станичный атаман на лицевой стороне «объявления» сделал следующую запись: «Вызвать Трафима Кастяева зарас в станичное правление» [1].

Особое негодование у членов донских казачьих общин вызывали довольно частые случаи оправдания в мировых судах иногород-

них лиц, профессионально занимающихся воровством, от которых донские казачьи общины стремились навсегда избавиться:

В хуторе (Воровскобалкском. – С. К.) в среде казаков проживают и лица иногородного происхождения, из которых многие, сделавшись членами казачьих семейств, приставши в зятья, пользуются всеми правами и общественными удовольствиями наравне с казаками. А некоторые из иногородних, успевши причислиться и вовсе в казачье сословие, действуют в ущерб благосостояния местных жителей казачьего происхождения.

Лица эти, разумеется, не оставляют в забвении и своих – отца, брата, свата, приятеля, а потому они и стараются всегда не только помогать своим землякам в материальных средствах к существованию, но даже покровительствуют им в противозаконных проступках и преступлениях. Было много примеров, что производящиеся у мировых судей дела по привлечению к суду этих лиц за кражу, по недоказанности и неуличению их в воровстве, оставались без всяких последствий или, к удовольствию воров, решались «по суду оправданными» [5].

В то же время рассмотрение в станичных судах дел о мелких бытовых кражах, иногда совершаемых друг у друга казаками, большей частью оканчивалось заключением сторонами мировых соглашений:

В современных станичных судах примирение допускается по всем делам; если потерпевший помирится с вором, то по большей части станичные суды прекращают дело, и часто можно заметить, как бывают недовольны казаки, когда в мировом суде им объявляют, что помириться по делу о краже нельзя [7].

Совершенно ясным и очевидным, по нашему мнению, является вывод о том, что мировые суды на Дону неспособны были и не имели никакого желания выяснять существование и содержание тех или иных правовых обычаев при вынесении конкретных решений по рассматриваемым ими судебным спорам.

Что касается станичных судов, то далеко не всегда при разрешении конкретных судебных споров между казаками они руководствовались нормами обычного права. Современники, знатоки донского казачьего быта, указывали на некоторые причины, которые, по их мнению, приводили к недостаткам и злоупотреблениям в организации и деятельности станичных судов.

Сначала дело шло довольно хорошо, граждане нисколько не замечали разницы между прежним судом и этим новым, но потом, когда в станице (Казанской. – С. К.) была открыта камера мирового судьи, положение дел изменилось, многие старинные обычаи и правила при этом не только перестали быть законом, но даже подвергались преследованию, и станичный суд был парализован, потерял всякую силу и значение. Не имея, как сказано, на все точного указания, суд из боязни ответственности за превышение власти стал принимать к своему разбору только гражданские споры и тяжбы. Из преступлений же он считает маловажными и подлежащими его разбирательству разве какие-либо проступки против дисциплины или трезвости (непослушание и пьянство). Воровство же, например, он не примет к разбору, хотя бы оно было учинено на одну только копейку [18, с. 157].

Известно, что впоследствии этот станичный сбор – суд соседей получил организацию станичного суда, и для него были выработаны согласно обычаев определенные правила для руководства; эта организация, как вовсе не свойственная народному казачьему духу, убила в нем с самого начала прежние юридические воззрения казаков, и он уже стал не тем народным судом, каким был в прежнее время. Этот последний казенный орган народного юридического сознания, выражающийся в современном станичном суде, оказался крайне несостоятельным, что подтверждает неудовлетворительная практика многих станичных судов. Слышно, что некоторые станичные общества хотят просить о закрытии станичных судов, а это само собою подтверждает, что они вполне не удовлетворяют своему назначению.

Видно, что напор новых потребностей отношений в быту донских жителей устанавливает новые обычаи, новые правовые отношения, которые не могут удовлетворительно нормировать часто безграмотные станичные судьи, – отсюда прямо является несостоятельность этих судов [17].

...Но вся беда в том, что станичные юристы не всегда руководствуются обычным казачьим правом, часто постановляют решения, расходящиеся с казачьими нравами и обычаями, хотя и не противоречащие законам, и тем подрывают доверие обществ к станичным судам [3].

Подводя итог всему вышесказанному можно сделать следующие, на наш взгляд, научно обоснованные и достоверные выводы.

Если не обращать внимание на неверные утверждения современников об исключении станичных судов из системы обычных народ-

ных судов, то следует признать, что при этом им все же удалось правильно определить главную причину подобного отношения станичных судей к нормам обычного права.

Эта причина заключалась в следующем. Нельзя отделять обычное право от конкретной социальной общности (донской казачьей общины), иначе оно не будет применяться, даже тогда когда его применение в отдельных, прямо предусмотренных официальным законодательством случаях санкционировано государством. Опыт работы станичных судов в Области войска Донского во второй половине XIX столетия в очередной раз подтверждает правильность раскрытого нами ранее механизма действия норм обычного права донских казаков [8; 9].

Не случайно станичные судьи боялись самостоятельно принимать решения по тем или иным судебным спорам и старались или склонить тяжущихся к миру, или отказывали в рассмотрении дела в связи с его якобы неподсудностью станичному суду, или пытались, как могли, применять нормы официального законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века» – проект № 11-13-34009 а/В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 2. – Д. 1093. – Л. 12–12 об.
2. Емцев, Д. Из Казанской станицы / Д. Емцев // Донской голос. – 1880. – № 27.
3. Из Качалина // Донские областные ведомости. – 1879. – № 90.
4. Из станицы Николаевской // Донской голос. – 1882. – № 15.
5. Из хутора Воровскобалкского Черкасского округа // Донские областные ведомости. – 1877. – № 15.
6. К вопросу о компетенции станичных судов // Донские областные ведомости. – 1880. – № 25.
7. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 3. – Кн. X. – С. 113.

8. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование имущественных отношений / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. – 214 с.
9. Краснов, С. Ю. Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Функционирование органов территориального самоуправления / С. Ю. Краснов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 142 с.
10. Н. Г. Наследственное и семейственное обычное право у донских казаков / Н. Г. // Терские ведомости. – 1894. – № 51.
11. Никулин, П. Народные юридические обычаи донских казаков 2-го округа / П. Никулин // Донская газета. – 1875. – № 81.
12. П. С. Несколько слов по поводу корреспонденции «Из Качалина» / П. С. // Донские областные ведомости. – 1879. – № 100.
13. Романов, И. Несвободный брак и его последствия / И. Романов // Донские областные ведомости. – 1874. – № 7.
14. Станица Верхне-Каргальская (1-го Донецкого округа) // Приазовский край. – 1900. – № 174.
15. Станица Семикаракорская (1-го Донского округа) // Приазовский край. – 1897. – № 329.
16. Станичные картинки // Донская газета. – 1875. – № 70.
17. Струков, И. И. Нужен ли станичный суд ввиду мирового суда / И. И. Струков // Донские областные ведомости. – 1879. – № 27.
18. Тимощенко, И. В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы / И. В. Тимощенко // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. – Новочеркасск, 1874.
19. Тимощенко, И. В. Станица Петровская / И. В. Тимощенко // Приазовский край. – 1898. – № 222.
20. Тимощенко, И. В. Усть-Медведицкая станица и прилегающие к ней местности / И. В. Тимощенко // Донская газета. – 1878. – № 50.
21. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону : материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – Вып. 1. – М., 1885.
22. Юрепин, А. Заметки о станичном управлении / А. Юрепин // Донские областные ведомости. – 1878. – № 27.

COSSACK VILLAGE COURT AS ONE OF THE KINDS OF DON COSSACKS COURTS IN THE SECOND HALF OF THE XIXth CENTURY

S. Yu. Krasnov

The article gives numerous evidence supporting the author's conclusion that the organization and procedure of the work of Cossack village courts, which Don Cossacks had in the second half of the XIXth century. The courts were mainly regulated by the rule of the customary law rather than official legislation rules. The restoration of the concrete historical situation of the above mentioned issues gives the possibility for the author to outline and display various methods of influence on Cossack village courts used by the Cossack communities in order to pronounce on the customary law by the village judges while determining controversies.

Key words: customary law, Cossack village courts, organization and procedure of work, History of law, Don Cossacks.